

*Катание Вейра
нельзя было ни
сравнить, ни тем
более спутать
с катанием
кого-либо другого.
Растяжка,
пластичность
и изящество линий
воспринимались
необыкновенно
органично.
Москва, 2007 г.*

«НЕПРАВИЛЬНЫЙ» ДЖОННИ ВЕЙР

ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД ЕГО НАЗЫВАЛИ САМЫМ БОЛЬШИМ ОТКРЫТИЕМ МУЖСКОГО ОДИНОЧНОГО КАТАНИЯ. ГОД НАЗАД ОН НЕ ПОПАЛ В СОСТАВ СБОРНОЙ США И НЕ ПОЕХАЛ НА ЧЕМПИОНАТ МИРА. В ЭТОМ СЕЗОНЕ ДЖОННИ ВЕЙР УВЕРЕН: ИГРЫ В ВАНКУВЕРЕ СТАНУТ ЕГО ПОСЛЕДНИМ ОЛИМПИЙСКИМ ШАНСОМ ДОКАЗАТЬ МИРУ, ЧТО ОН — БОЕЦ, А НЕ ПРОСТО ОДИН ИЗ САМЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ И АРТИСТИЧНЫХ ФИГУРИСТОВ ПЛАНЕТЫ.

За год до Олимпийских игр в Турине двадцатилетнего Вейра считали в США безоговорочным лидером. В январе 2005 года он стал двукратным чемпионом страны, и это дало болельщикам основания полагать, что именно ему будет по силам бороться с Евгением Плющенко в Турине за золотую медаль.

«Он великолепно владеет коньком, — сказал тогда о Вейре известный украинский тренер Валентин Николаев. — Это врожденное качество. Своего рода свойство мышц воспринимать информацию

ото льда и реагировать на нее. Вроде ничего не делает человек, а по льду летит, как угорелый. Такие ноги были у покойного Сергея Волкова, чемпиона мира 1975 года. И у Оксаны Баюл...»

Баюл оказалась той самой фигуристкой, увидев которую на льду, Вейр заболел фигурным катанием. Он вырос в Коутсвилле — американской провинции, где у родителей была собственная ферма. Отец занимался разведением лошадей, на одной из которых — шотландском пони по кличке Голубая тень — обожал кататься Джонни и даже вы-

игрывал какие-то трофеи местного значения. Увиденная по телевизору Олимпиада в Лиллехаммере перевернула всю его жизнь.

«Меня это потрясло! Артистизм Баюл чувствовался даже в том, как она шевелит пальцами. И конечно, пример всей ее жизни, о которой так много писали и говорили в США. Не каждому выпадает столько испытаний. Я был восхищен силой ее характера», — скажет Вейр много позже.

Кататься, по меркам фигурного катания, Вейр начал поздно — в двенадцать лет. Произошло это

Джонни Вейр уверен: Игры в Ванкувере станут его последним олимпийским шансом доказать миру, что он — боец. Второй этап Гран-при в Москве, 2009 г.

в 1996 году, и уже через год фигурист впервые сделал тройной прыжок. Ради фигурного катания Джонни отправился из Коутсвилля в Ньюарк, в университетский клуб Делавера, где встретил своего будущего тренера — Присциллу Хилл. В то время она только начинала карьеру, тренируя пары. Вот и нового ученика попыталась поставить в пару — с девочкой по имени Джоди Радден.

По словам Хилл, кататься в паре Вейр ненавидел. При этом отчаянно жалел партнершу, у которой получалось значительно хуже, — она постоянно падала на прыжках. И Джонни тоже стал падать — из сострадания.

Когда же Хилл оставила затею сделать из ученика партнера, он принялся стремительно наверстывать упущенное время. Никогда не уходил с катка сразу после тренировки — до такой степени был одержим стремлением учиться. Дождался, пока уедет тренер, надевал коньки и в одиночестве начинал пробовать более сложные новые элементы.

С точки зрения Хилл, это было самоубийством. Но так или иначе Вейр своего добился. В 2001 году он стал чемпионом мира среди юниоров, хотя на юниорских первенствах США ему не удавалось подняться выше четвертого места.

Первый взрослый чемпионат США — в 2003-м — для Вейра оказался не очень удачным (из-за травмы он был вынужден сняться с соревнований), зато всего через год девятнадцатилетний американец выиграл первый в своей жизни главный национальный титул.

Катание Вейра нельзя было ни сравнить, ни тем более спутать с катанием кого-либо другого. Растяжка, пластичность и изящество линий, не очень характерные для мужчин, воспринимались необыкновенно органично. На руку американцу пришлось и новая система судейства, введенная в обиход после Игр в Солт-Лейк-Сити: даже проигрывая в ассортименте суперсложных прыжков признанным лидерам, он легко брал свое качеством катания.

Тот же Николаев заметил: «Я категорически не согласен с тем, что по новой системе спортсмен

может выиграть серьезный турнир, не имея в программе четверного прыжка. Это даже не прошлый век, а шаг в средневековье. Атлетизм и степень риска должны оцениваться в мужском катании особо. Программа Вейра с этой точки зрения ничего особенного собой не представляет, несмотря на то что над ней трудилось немало народу. Хотя мне импонирует манера его катания: культура движений, отточенность и законченность каждого жеста. Лишний раз чиркнуть зубцом конька о лед Вейр себе не позволяет».

Фигурист и сам прекрасно понимал это. На чемпионате мира — 2004 в Дортмунде он не попал в число призеров, но сразу после соревнования сказал в интервью, что собирается незамедлительно начать работу над четверным прыжком. Едва сезон завершился, Джонни заявил тренеру, что намерен обратиться за консультацией к выдающемуся российскому тренеру Татьяне Тарасовой. Хилл поддержала ученика. В Симсбери — тренировочном лагере Татьяны Тарасовой — они провели три месяца.

«Когда я впервые катался под наблюдением Тарасовой, то был в полной прострации, — рассказывал Вейр в начале следующего сезона во время этапа Гран-при в Москве. — На льду тогда были Саша Коэн, Андрей Грязев, которые выглядели феноменально. По сравнению с ними я все больше и больше чувствовал себя гадким утенком. И вдруг Тарасова подозвала меня к бортику и сказала: «Джонни, ты видел когда-нибудь свои вращения со стороны? Ты делаешь их потрясающе. Так не умеет ни один фигурист в мире!» Я попытался возразить, но она оборвала: «Чушь. Ты — лучший. Всегда помни об этом!»

Благодаря постоянной поддержке Тарасовой домашний и отчаянно скучающий по родным Джонни быстро почувствовал себя в Симсбери комфортно, несмотря на то что работать приходилось бок о бок с потенциальным соперником — Брайаном Жубером. Правда, на льду они не пересекались. С Жубером занимались Ягудин и Тарасова. С Вейром — Тарасова и Евгений Платов. Что не

мешало американцу внимательно присматриваться к французу.

«Брайан — боец до мозга костей, — говорил Вейр. — Я постоянно наблюдал, как он тренируется. Для меня было полнейшим открытием увидеть, с каким азартом и настойчивостью он работает. У него тонны потенциала, который еще не раскрыт. И явное преимущество передо мной — четверной прыжок. Жубер вообще феноменальный прыгун. Не могу сказать, что совместное пребывание в Симсбери сделало нас друзьями: я стараюсь особо не сближаться с теми, с кем предстоит соревноваться. Соперник должен быть соперником. В лучшем случае — партнером по тренировке».

За три месяца, которые Вейр провел в Симсбери, стало очевидно, что он обладает способностью, как губка, впитывать любую новую информацию. И весьма наблюдате-

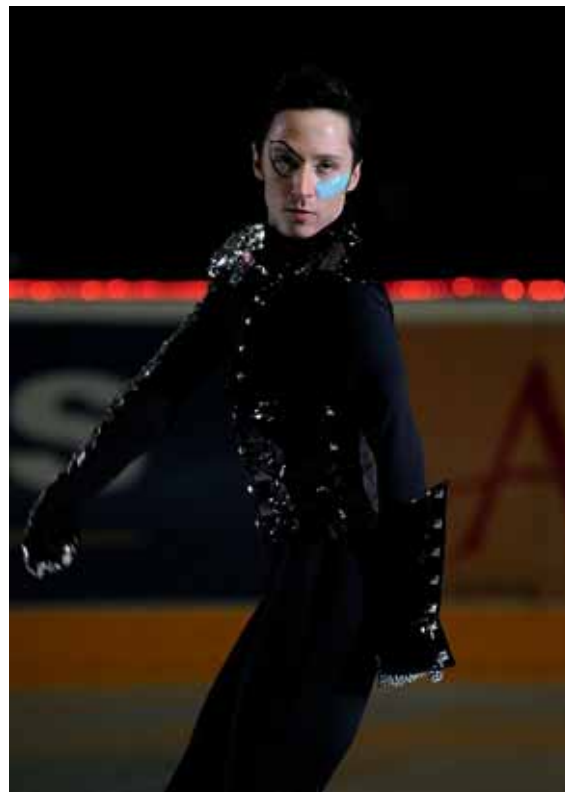
«Я КАТАЮСЬ ДЛЯ ТРЕНЕРА, ДЛЯ БЛИЗКИХ, НО В БОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ — ДЛЯ САМОГО СЕБЯ»

лен. Один лишь факт: рассказывая американским журналистам о своей работе с Тарасовой, он как бы вскользь заметил: «Она была вынуждена оставить парное катание из-за травмы плеча. Эта рука у нее до сих пор не очень хорошо поднимается».

Осенью того же года фигурист дал интервью, которое заставило задуматься о том, что Вейр — гораздо более серьезное явление в фигурном катании, чем может показаться на первый взгляд.

«Все интересуются, когда же я начну прыгать на соревнованиях четверной прыжок. Я прекрасно понимаю, что этот прыжок нужен мне на чемпионате мира, но не буду стремиться включить его в программу любой ценой. Сделаю, как только почувствую, что готов. Если кто-то — федерация, болельщики или журналисты — хотят его увидеть раньше, это их проблемы.

Для меня не очень важно, что говорят обо мне другие. Раньше

реагировал на негативные отзывы острее. Иногда хотелось закричать: «Если вы такие умные, попробуйте сами выйти на лед — почти без одежды перед тысячами зрителей, судьями — и покажите, как, с вашей точки зрения, надо кататься и прыгать!» Фигурное катание — спорт с обостренной конкуренцией. Наверное, поэтому отношения между группировками людей, болеющими за того или иного спортсмена, тоже обострены до предела. Иногда мне кажется, что людям просто нравится выдира́ть из контекста слова и фразы и толковать их по-своему, создавая скандал.

Сейчас я научился не обращать на это внимания. В конце концов, я тоже не всегда бываю удобен для окружающих. Хочется, конечно, чтобы они понимали: когда спортсмен заканчивает выступление — раздраженный, выжатый как лимон, а ему нужно еще пройти допинг-контроль, прийти на пресс-конференцию, пообщаться с множеством журналистов, — далеко не всегда удается контролировать свои высказывания. С другой стороны, я никогда не был слишком правильным. Так стоит ли пытаться выглядеть таким в чужих глазах?

Я прежде всего катаюсь для тренера, для своих близких, но еще в большей степени — для самого себя. Возможно, кого-то покоробит такое заявление: сделают вывод, что мне, в принципе, наплевать на публику, но я такой, какой есть.

Одной из тех, кто очень сильно повлиял на мое отношение к жизни, была певица Кристина Агилера. Ее первый диск, помню, совершенно мне не понравился. Но потом вышел альбом *Stripped*, и у меня возникло ощущение, что настоящая Агилера именно такая. Я слушал, как она поет, и меня не покидало чувство, что в процессе записи ей было абсолютно безразлично, купит этот альбом один человек или сто тысяч.

Тогда я впервые задумался о том, как важно идти в жизни своим путем. Если у меня действительно есть талант, то рано или поздно он начнет говорить сам за себя».

***

Памятүя о теплом отношении к Вейру Валентина Николаева, я позвонила тренеру накануне Игр-2006 чтобы задать один вопрос: чего, на его взгляд, следует ждать в Турине. В том числе от Вейра.

«Не думаю, честно говоря, что Вейр будет участвовать в борьбе за олимпийское «золото», — сказал он. — Гораздо более опасны Жубер и швейцарец Стефан Ламбьель. При том что француз кажется корявым, он очень силен внутри и здоров физически. Для него не проблема делать сложнейшие прыжки, когда произвольная программа идет к концу и никто уже не ждет ничего сверхъестественного.

Ламбьель же поразил меня другим. Я точно знаю, что второй четверной прыжок в произвольной он не планировал. Но сделал его. Это говорит не только о том, насколько человек готов к борьбе за медаль, но и о том, что он совершенно четко понимает, что для этого необходимо. Не боится в нужную минуту мгновенно принять решение и пойти на риск.

Не исключаю, что в Турине решающей окажется короткая программа. Можно вспомнить Илью Кулика: как только он стал выигрывать короткую программу, соперники перестали для него существовать в принципе. Да и у Плющенко в Солт-Лейк-Сити завал произошел именно в короткой программе. Сейчас времена изменились, но эта программа по-прежнему остается очень серьезным испытанием. Так что у Вейра шанс один: выиграть ее в Турине. В этом случае не удивлюсь, если и в произвольной он порвет всех на части...»

За день до начала короткой программы Джонни Вейр был однозначно главным «нюсмейкером». На тренировках ему удавалось отлично выполнять каскад 4+3+3, но тогда же он сказал, что, скорее всего, не станет включать его в произвольную программу — не хочет чрезмерно рисковать. Зачем прыгал? Да все для той же психологической уверенности: когда получают четверные прыжки, тройные переходят в разряд чего-то гораздо более легкого и надежно выучен-

ного. Соответственно, и кататься становится легче.

В короткой программе американец стал вторым. Его «Умирающий лебедь», вне всякого сомнения, украсил мужскую программу. Более того, Джонни стал единственным, кому удалось справиться с обязательным набором элементов почти идеально. Однако Евгению Плющенко Вейр проиграл. Стефан Ламбьель расположился следом, отстав меньше чем на балл, Брайан Жубер остался четвертым. Общий смысл комментариев этих трех спортсменов сводился к тому, что соперничать с Плющенко на данный момент не может ни один фигурист мира. И значит, остается делить лишь серебряную медаль.

А всего через день Вейра можно было смело считать самым большим неудачником Олимпиады. Чемпион США занял пятое место. По-крупному он ошибся лишь раз. Просто сложность программы в целом оказалась весьма невысокой. Джонни сделал лишь один каскад при разрешенных (и заявленных, кстати) трех и тут же испытал на себе всю жесткость новых правил.

Уже в Турине стало понятно: Вейр неотразим на льду, когда у него получаются прыжки. А вот когда их нет, трудно отделаться от мысли, что при всем изяществе, блистательной технике конька и музыкальности катание американца выглядит как юниорское, почти девичье. А все это уже было — когда молоденький Джонни только появился в поле зрения большого фигурного мира.

Дотянуться до своей первой и пока единственной медали чемпионата мира Вейру удалось лишь два года спустя: в 2008-м в Гетеборге он получил «бронзу», хотя, как и много раз до этого, имел все шансы победить. Парадокс был в том, что чемпионом мира в Гетеборге впервые за много лет стал спортсмен, вообще не делающий четверных прыжков, — канадец Джефффри Баттл. Фигурист, которого до начала соревнований никто вообще не рассматривал, как серьезного претендента на победу. Над Вейром в том числе.

Потом Джонни заметался. Ушел от Присциллы Хилл к Галине Змиевской и Виктору Петренко. Обратился за помощью в постановке программ к олимпийской чемпионке Солт-Лейк-Сити Марине Анисиной. Известная фигуристка вовсе не собиралась начинать работу в качестве постановщика, но отказать Вейру не смогла. Правда, отнеслась к его честолюбивым намерениям вернуться на высший уровень с сомнением. Сказала: «Придумать и поставить я могу что угодно. Но выступать — то ему. Когда человек не готов к работе физически, «выкатать» программу, отработать ее до автоматизма невозможно. Поэтому он выбрасывает шаги, элементы — вообще все. Но я еще надеюсь поработать с Вейром поплотнее, погонять его. Постоянно пытаюсь внушать ему, что нужно заставлять себя работать иначе, чем раньше. Что одного таланта недостаточно. Конечно, во время гастролей, где мы, собственно, в основном и работали, тренироваться очень тяжело: постоянные переезды, выступления. Но даже там я при каждом удобном случае тащила Вейра на каток: понимала, что это нужно. Джонни — очень умный мальчик, постоянно анализирует свою работу, у него большие амбиции, есть характер, умение концентрироваться. Но, подозреваю, что такие мысли пока не приходят ему в голову. У него куча поклонников по всему миру, куда бы ни приехал, его замечательно принимают. Все это хорошо, но время — то уходит очень быстро. К тому же Вейру было отпущено много кредитов, и пока он не оправдывает этих ожиданий».

Большой спорт — жестокое занятие. Которое, как правило, не терпит шагов в сторону. Однако Вейр в какой-то степени стал заложником своей популярности. После Игр в Турине (где, как посчитали многие, поражение стало всего лишь недоразумением) его наперебой приглашали сниматься в гламурных журналах и кино. Он открыл собственную, хоть и небольшую, линию модной одежды в Южной Корее, стал много и активно общаться с болельщиками

Джонни любит повторять, что в душе он, наверное, русский — настолько любит Россию и своих поклонников в этой стране. Москва, 2005 г.

«В ВАНКУВЕРЕ ХОЧУ БЫТЬ УВЕРЕННЫМ: Я СДЕЛАЛ ВСЕ, НА ЧТО БЫЛ СПОСОБЕН»

ми в Интернете, выучил русский и французский языки.

Сотрудничество со Змиевской и Петренко пошло Вейру на пользу. Жесткая дисциплина стала как раз той составляющей, которой не хватало талантливому фигуристу в более ранние годы.

«Галина никогда не пропускает тренировок, — рассказывал Джонни. — Не могу вспомнить, чтобы катался без ее контроля хоть пару минут. С другой стороны, я совершенно искренне не понимаю, к чему такой контроль. Зачем тратить время на разговоры? Когда мой предыдущий тренер Присцилла Хилл отсутствовала у бортика, я прекрасно занимался сам. Если спортсмен внутренне не готов к тому, чтобы много работать, на него можно кричать сколько угодно — толку от этого не будет.

Я же хочу работать и отдаю себе отчет в том, насколько сложнее мне стало кататься — состязаться с теми, кто моложе и находится на подъеме. Недавно я и сам был таким. Сейчас же понимаю, что Игры в Ванкувере, скорее всего, станут последним шансом. Возможно, я не уйду из спорта сразу, буду кататься год или два, а может, смогу выступить на Олимпиаде еще раз. Но вряд ли покажу себя лучше, чем сейчас, пока время еще не ушло. Поэтому я много тренируюсь, стараюсь правильно питаться, отдыхать между тренировками, вовремя ложиться спать. Выполняю все, что говорят мне тренеры, потому что в Ванкувере, как бы ни сложились для меня соревнования, хочу быть уверенным: я сделал все, на что был способен».

Елена Вайцеховская